П. Поляков

ТРИ БРАТА
ОЛЕНЬ
ДЯДЯ ЯНОШ

Мюнхен 1957

П. Поляков

ТРИ БРАТА
ОЛЕНЬ
ДЯДЯ ЯНОШ

П. Поляков

ТРИ БРАТА
ОЛЕНЬ
ДЯДЯ ЯНОШ

Мюнхен 1957

Buchdruckerei u. Verlag „Logos“ GmbH, München 19,
Bothmerstraße 14

Три брата

(Сказка)

Есть курган один высокий
Возле Дона голубого,
На веку своем немалом
Видов видывал он много.
То, чему он был свидетель
Расскажу своим внучатам,
Подрастут они, расскажут
Сказку малым ребятятам.
И пойдет она от деда,
К внуку, правнуку и дале,
И узнают их потомки
Что мальцами мы слыхали.

1

Не упомню как случилось,
Сказке где найти начало,
Знаю — в этот год травою
Степь впервые зарастала.
Широка была, привольна,
Без ложбинки, без кургана,
И пришли, и жить в ней стали,
Три восточных грозных хана.
Жили тихо, жили мирно,
Дале-боле, шире-дале,
Только раз они, в испуге,
Весть такую услыхали:

Не с травы-ли, не с воды-ли,
С вешним снегом чтоль родились,
Только в балках рек запольных
Трое братьев появились.
Трое ловких, сильных, смелых,
Их сердца — три слитка стали!
И ногайцы и татары
КАЗАКАМИ их прозвали.

2

Не шурмит трава степная,
Не гудит стрела на воле,
У татар идет смятенье,
Плачь и горе в ДИКОМ ПОЛЕ.
В ДИКОМ ПОЛЕ — плачь и горе:
Лишь потаял снег весною
Лавы конные поднялись,
КАЗАКИ идут войною!
КАЗАКИ пошли войною
Но полки их невелики.
Вышли им навстречу орды
Многочисленны и дики.
И у старой у протоки
Где ковыль дорос до тины,
В схватке страшной, рече жаркой,
Сшиблись вольные дружины.
Бьются. Топот. Гики. Стоны,
Лязг. Удары раздаются,
Казаки врагов сшибают,
Страсть они умело бьются!
Жгите копья! Рейте стрелы!
Градом вдарьте в брони сабли!

Потекли потоки крови,
Рати бьющихся ослабли.
Солнце к морю клонит взоры,
Солнце тихо засыпает,
Тыл татары показали,
Ночь — бегущих покрывает.
Сослужили службу кони,
Поле — павшими покрыто.
Слава тем, кто был смелее,
Память вечная убитым!

3

Так-то, детки. Так-то, внучки.
В синем небе — ворон реет.
В синем море — чайка плачет.
В поле чистом — кровь алеет.
В чистом поле — кровь дымится...
Что вы ржете, други-кони?
Аль сердца хозяев ваших
Не спасли щиты и брони?
Эх, заморские колчуги,
Эх, мисюрки тонкой стали,
Долго вы татар несчётных
Копья меткие ломали.
Но, к концу кровавой сечи,
Старший брат, красавец ВОЛЯ,
Пал, стрелою пораженный...
Знать ему такая доля!
Сметены полки поганых,
Бьют их слева, бьют их справа...
Пал, мечем сраженный лютым
Средний брат, могучий СЛАВА!

А когда враги бежали,
Множа нехристей могилы,
Был убит ударом в спину
Самый младший, юный — СИЛА.

. . . .

Удалялся шум бегущих,
Сабли молнией сверкали,
Над убитыми, как тени,
Кони верные стояли.
Гей вы кони, кони-други!
Я о вас скажу особо.
Вы одни друзьями были
От купели и до гроба.
Вы одни друзьями были...
Да, мы твердо это знали...
Но к беде своей великой
Вас мы всех порастеряли.
Гей вы кони, кони-други
Много мы видали муки,
Но, вернуся, видно, к сказке,
Перестали слушать внуки.

. . . .

Так-то, милые детишки,
Где вы деда перебили?
Да... так СЛАВА, ВОЛЯ, СИЛА
В схватке той убиты были.
Говорить сейчас не буду
Как их Войском хоронили,
Кто по ним, в тоске заплакал,
Где в кургане их зарыли...
Как своими же руками
Рыли им Саур-могилу...

Эх, на нынче, видно, хватит,
Нет у деда больше силы.

4

Клонит ветер вербы в поле,
Стонут старые ракиты,
Закопали... схоронили
К а з а к и своих убитых.
И, как водится доныне,
Слава Богу — сохранили!
По убитым, вкруг кургана,
Поминанье совершили.
На поминках много ели,
Да и выпили немало,
И вот тут-то ночь в испуге
Злые речи услыхала:
— «Что нам — ВОЛЯ, СИЛА, СЛАВА,
Из-за них погибло много.
Коль татары их побили
Так туда им и дорога!
Все они куда-то звали,
Все бы им с врагами биться!
Эй, довольно воевали,
Будем с ханами мириться!»
Обложили небо тучи,
Воет ветер, буря злится,
Ханы верят и не верят:
К а з а к и хотят мириться!
К а з а к и пришли с повинной,
Чуб пред ханами склонили
О мечте убитых братьев
К а з а к и не говорили.

— «Животы свои нам жалко,
Что нам СИЛА, СЛАВА, ВОЛЯ?
Коли вы их перебили
Не хотим и мы их боле».
И вернулися от ханов
В стан разбитый у кургана
И уснули... Да не спали
Три татарских грозных хана.

5

Ночь без звездочки единой
Гнетом мертвым все покрыла,
Спят похмельные с поминок,
Спит безмолвная могила.
Что там? Будто шорох слышен!?
Не в шеломе-ль мышь мостится?
Будто шаг несметной рати?
Или буря лесом мчится?
Нет — не ветер! Нет — не буря!
Гей, проснитесь! Эх! Пропали...
Ханы-лисами подкрались,
Ханы — волками напали!
И когда с победой полной
Ханы прочь ушли зарею,
В Дон упали реки крови,
Стал он — красною рекою!

. . . .

Гей, ковыль, трава седая,
Гуще ты расти, да прямо,
Заслони тела убитых
От ворон и злого срама.
Ой — ты, ветер в поле чистом,

Поднимися сизой тучей,
Призакрой ты трупы павших
Золотым песком сыпучим.

Гей — ты, Дон, отец родимый,
Обойди кругом могилу,
Затопи ее глубоко,
Погреби под мягким илом.
Так-то, детки, так-то, внучки,
Так-то верить разным ханам.
Имена их вам, ребята,
Не скажу я — знать вам рано . . .
. . . .
С тех-ли пор, весною ранней,
В битвы срок, перед зарею,
Просит Войско мертвых братьев
Встать и — вновь итти войною.
Но — лежат они в могиле,
Нету боле в чистом Поле
Кто-б мечтал о СЛАВЕ, СИЛЕ,
Кто служил бы снова ВОЛЕ!

Олень

(Сказка для казачат)

Пролог

1

Про былое, СЛАВУ, ВОЛЮ,
Про походы и войну,
О великих днях ушедших,
Про казачью старину,
Пели песни мы в изгнаньи
Казачатам молодым,
Чтоб окрепло в них желанье
К новым подвигам лихим...
Чтобы дух у них казачий
Не заглох и не иссяк...

. . . .

Слава Богу в небе синем,
Слава имени: КАЗАК!
Лопоухи, желтороты,
Собирайся в круг тесней,
Вспомним снова ДОН родимый,
Шум пушистых ковылей.
Наши деды — храбро бились;
Мы — пришли на вольный путь;
Вам — придется в битвах новых
ПРАВДУ БОЖИЮ вернуть.
И — степям, где деды жили,
Где лилась казачья кровь,

Воротить СВОБОДУ снова
Сея братскую любовь...
Мы — уйдем...
Но наши боли,
Наши песни и мечты,
Силы вам дадут на подвиг
Полный дивной красоты.
Этот подвиг — долг священный...
Слушай... Слушай, малыши,
На ДОНУ — цветы завяли,
Позасохли камыши...
Зарасли шляхи бурьяном,
Грань — не видно из травы...
. . . .
Казачата, будьте смелы,
Наша смена — это вы!

I

Мир создав, Господь Великий,
Отдохнув от дел творенья,
В степь послал красавца-зверя
Круторогого ОЛЕНЯ.
И сказал Он:
«Будь залогом
ВОЛИ светлой. Будь свободен.
Вместе с братом-человеком
Берегите дар Господен.
Я даю вам СТЕПЬ — обоим,
Ветры, землю, реки, море,
Все по-братски поделите
И живите на просторе.
Человек — пусть жито сеет.

Отдыхая от работы,
Пусть поет... Ходить не смеет
На ОЛЕНЕЙ на охоту.
Ты-ж, ОЛЕНЬ пасись в ливадах.
Но, ходя вокруг станицы,
Не топчи у человека
Колосящейся пшеницы».

. . . .

Пролетели ветры Полем,
Ночь — в дозор послала тени...

. . . .

КАЗАКИ — живут в станицах,
А кругом, в степях, — ОЛЕНИ.

II

Ох, вы батюшки, вы светы,
Сказку слушают ребята,
А у бабушки Гугнихи
Разбежались индюшата...
Дыня — выросла на елке,
Казачка — утенок пляшет,
Дед-Кондрат в чирик запрягся
И — майдан станишный пашет.
Кто не хочет — пусть не верит:
Это дед-Далдон в станице
Мне рассказывал побаски
Правду спутав с небылицей.
Это, детки, лишь начало,
Это так, для смеху трошки,
Чать слыхали, что Грунятка
Растеряла все сережки?
Санька их нашла в овине

И Грунятке ворочала,
А Грунятка Саньку, братцы,
В алы губки целовала...
Что-ж, довольно шуток было,
Время спать. Закройте глазки,
С Божьей помощью, на завтра,
Мы отложим наши сказки.

III

КАЗАКИ, по слову Божью,
Жили вольно и богато,
Берегли Христову веру,
И стояли брат за брата.
А когда покос осенний
Наполнял зерном амбары,
Наливалися до края
Виноградным соком чары.
И убравши дар Господен,
По гостям деды ходили,
Выпивали для порядку,
Про домашность говорили.
А когда зимой мятели
Заметут — то прямо в сени
Забегали обогреться
Быстроногие ОЛЕНИ.
Глянь — ан дети из прикладка
Корму им понатаскали
И ОЛЕНИ, повечеряв,
В сенцах теплых ночевали.

. . . .

Быстро год бежал за годом
Дни летели вперегонку

И прошла по свету слава
О счастливой той сторонке.

IV

А на Севере далеком,
Где болота землю скрыли,
Где дожди сырым туманом
Душу людям отравили,
Там, межь пнями, в буераках,
Царство Темное лежало
И оно, от птиц залетных,
Весть о СТЕПИ услыхало.
И рабы — заныли слезно,
Божедомы — заревели,
Взбунтовалися юроды,
Злобой дикой закипели:
«Што-ста мы сидим без хлеба,
Да в болотных испареньях,
Целый век квасок хлебаем,
Да едим одни коренья.
Эх! пойдем-ко-сь мы, робяты,
В Донщину, пооткормитца,
Там просторно. Там — слобода,
Там — ядреная пшаница!»

. . . .

Зашумели ветры в поле,
Лес гудит от непогоды...

. . . .

По пенькам, по кочкам скачут,
На ДОН держат путь юроды.

V

Раз ... В станице Порубежной
Бабы чашки-ложки мыли,
КАЗАКИ курили трубки
Дети в сенцах гомонили ...
Вечер. Тёмно. Ночь подходит.
Кобели в соломе спали,
Индюки лишь, на нашестях,
Глупых баб своих ругали ...
Дед Явграф пошел к скотине,
Сена кинул, дверцы запер,
На плетень облокотился,
Глянул в СТЕПЬ ...
Да так и замер!
По сугробам, по теклинам,
По кустам, гостой толпою,
Прут какие-то уроды
Бездорожьем — целиною!
Дед Явграф перекрестился ...
Забежал по-за овином ...
Трошки там позадержался,
Да в курень. В намёт. За сыном:
—«Мишка! Тю, вставай скорея,
Дунька, дай тройчаки-вилы,
На станицу орды валят,
Не исчесть нячистой силы!»

VI

За мгновенье в Порубежной
Всех Явграф перебулгачил,
Кобели залились лаем,
Скот мычать тревожно начал.

Кот — дремавший на загнетке,
С перепугу — жмяк в опару,
За столешник уцепился,
Оборвался, да на нары.
А на нарах — бабка Крыга
Третий сон как раз глядела...
Кот — на бабку, бабка — на пол...
Цоп кота — и обомлела!
Словом: светопредставленье;
Словом: ужасти и страсти!

. . . .

Тут, как раз, и появился
Атаман со знаком власти.
Он махнул своей насекой:
— «Почему — спросил — тревога?
Ежли их, вопче, не мало,
То и нас, к примеру, много!»
КАЗАКОВ построив быстро
За станицу вывел лавой
И глядел он на пришельцев
Как бредут они оравой.

VII

А пришельцы — худы, тощи,
В армяках, лаптях, босые,
Повалились на колени,
Завопили головные:
— «Православны християни,
Не предайте казни лютай,
Все обскажет наш вожатай,
Свет-Микишка, сей минутай!»
Под горшок, в кружок обстрижен,

Встал Микишка, перекстился,
Поглядел на Атамана,
С перепугу вновь свалился.
А в толпе опять завыли,
Зашумели, заревели,
Старики — загомонили,
Молодые — загалдели.
Атаман крепился долго,
Дергал ус и усмехался
И шумевшим оборванцам
Неизмерно дивовался:
— «Будя, черти, кувыркаться,
Выходи, Микишка, что-ли,
Расскажи: Откель вы взялись
На КАЗАЧЬЕМ нашем ПОЛЕ?»

VIII

Рассказал тогда Микишка,
Что холоп он, раб боярский,
Что попухли с голодухи
Мужички на службе царской.
— «Лапти скрозь поистоптали,
Завалилася хатенка,
А паев у нас-те нету,
Негде выпустить куренка!
Вы примите нас, для Бога,
Отведите нам землицы,
Мы — лаптей наковыряем
И — отплатим вам сторицей!»
Грохнул в хохоте веселом,
Стан казачий за станицей,
Бабы-девки закрестились

И взвилися тучей птицы.
— «Хо-хо-хо: „наковыряем",
Ха-ха-ха, помру от смеха»,
Атаман в дугу согнулся,
Уронил в сугроб насеку,
«Го-го-го, лаптями платят,
Ишь ты, лыкова пехота...»
Порешили:
Что-же, примем..,
Пусть живут, коль жить охота!

IX

Сказку сказывать трудненько,
Жизнь прожить — помудренее...
. . . .
Как повадилися гуси,
На загон отца Андрея...
Только гуси те однажды,
Бог ни весть куда пропали
И о них, с тех пор, хозявы,
Ничего не услыхали!
. . . .
Ох, я лягу в холодочек,
Ручки, ноженьки раскину,
У отца-ли, у Андрея,
Да на новую перину!
. . . .
У жалмерки, у Матвевны,
Казачек пшеницу косит,
А она ему в завеске
Полдневать под вечер носит!
. . . .

Ох, ты, вечер, ох, ты, ночка,
Тишина... Теплынь, не спится...

. . . .

У жалмерки, у Матвевны,
Весь бы век косил пшеницу!
Спать пора. Тушите лампы.
Скройте ставни на вертушки,
Воротясь, Ванятка, с базу,
Поплотней закутай вьюшки!
Таял снег, зима кончалась,
Птицы с юга прилетали,
КАЗАКИ, храня заветы,
Мирно жили-поживали.

. . . .

Да всему конец приходит.
В этом мире слез и горя...
Эх, теки ты, ДОН-РОДИМЕЦ,
Уноси ты слезы в море.
Пусть горючие исчезнут,
Пусть смешаются с водою,

. . . .

Поднялась над СТЕПЬЮ буря,
Пронеслася злой бедою.

. . . .

В Главном Войске, в день весенний
Бьют в литавры и набаты,
Скачут конные в проулки,
В курени стучатся, в хаты,
— «Выходи — шумят в окошки, —
Атаман на Круг сзывает,
Порубеженский Микишка

Говорить в Кругу желает.» —
Старики сошлись степенно:
Средь станичного майдана
С казаками молодыми
Стали слушать Атамана.

X

Атаман трухменку скинул,
Крикнул молодо и звонко:
— «Во! послухайте, что скажет
Этот шустрый мужиченка».
И Микишка шапку скинул,
К церкви враз оборотился,
Долго кланялся глубоко
И размашисто крестился.
И завыл в истошный голос:
«КАЗАКИ! Чесна станица,
Вы спасите от напасти
Нашу древнюю столицу!
К нам вороги лезут люты
И воюют наши грани . . .
То с Неметчины хранцузы,
То с Китаю басурмане.
Мы-ж, к войне то, не привычны,
Не горазды дюже к бою,
Разбрелося наше войско
И тудою и сюдою!
Прогоните Бога ради
Оных ханов басурманских,
И заслужите вы славу
Меж народов християнских».

XI

Загудел майдан, что улей,
Были выкрики суровы,
Порешили: «Что-ж. За веру
Воевать всегда готовы».
Кони ржут, звенит оружье,
Боевые песни льются;
Казаки ушли походом
В неизвестных землях бьются.
Опустела СТЕПЬ РОДНАЯ
Год за годом пролетает,
Павшим — служат панихиды,
В битвы новых посылают.
Сотни лет отцам в походе
Молодые в помощь скачут...
КАЗАКИ — по свету рыщут,
На ДОНУ — казачки плачут.
И в походах и сраженьях,
КАЗАКИ про ДОН забыли,
Славу громкую стяжали,
ВОЛЮ? ВОЛЮ загубили!

. . . .

И испил наш ДОН-РОДИМЕЦ,
Чашу крови — горя чашу...

. . . .

Но, давайте по порядку
Мы продолжим сказку нашу!

XII

КАЗАКИ в заморских землях
Бились долго и кроваво...

Дома — жита нет в амбарах,
Хоть гремит по свету слава.
Царства ТЕМНОГО границы
Берегут. Засеки строят...
Обезлюдели станицы,
По ливадам — волки воют!
И — чего не было сроду:
Стал и мрак, и стыть, и холод,
И надвинулся на СТЕПИ,
Бледной смертью Лютый Голод!
И — однажды, ночью темной,
Содрогнулась твердь земная,
Весть недобрая промчалась
ПОЛЕМ с края и до края:
— КАЗАКИ завет Господен
Слово Божье — позабыли,
КАЗАКИ в СТЕПИ ОЛЕНЕЙ
Темной ночью перебили!
И, голодные, собрались
Все, гуртом, чтоб пообедать,
Чтобы наесться, чтобы выпить,
И — оленины отведать!

XIII

А когда сойдяся в ПОЛЕ
Свежевать взялись ОЛЕНЯ,
Гром ударил в чистом небе,
Толпы — пали на колени.
Голос Божий из-за тучи
Что пришла с востока лавой,
Им изрек: — Зачем прельстились
Вы мирской, пустою славой?

Подарив вам СТЕПЬ и РЕКИ
В ПОЛЕ, в знак благоволенья,
Я послал залогом ВОЛИ
Зверя доброго — ОЛЕНЯ!
Вы-ж Мое забыли Слово,
Покорив чужим полсвета,
Что имели — погубили,
Не храня Мово завета!
С тех, кому далося много,
Много спросят в час отмщенья...
Кто погиб — тех упокою,
Но живым — им нет прощенья!

. . . .

Голос смолк. И тьмой покрылась
Твердь под грома рокотанье
И — неслышные на НЕБЕ
По земле неслись рыданья.

XIV

Поутру рассвет угрюмый
Осветил степные дали...
КАЗАКИ в крови ОЛЕНЕЙ
Недвижимые стояли.
Плачь глухой, стенанья, ропот,
Клятвы, просьбы и обеты,
Утопали в небе хмуром,
Оставаясь без ответа,
И — не в силах сделать шагу
В снег молящиеся пали,
Рвали волосы и платья,
Тщетно милость призывали.
И тогда, метнувшись птицей,

Безудержною волною,
Вдруг поднялся плач младенцев
Серебристою струною.
И — звеня тоской безмерной
Горних, праведных селений,
Он достиг... и пал пред Богом
В гуле стонов и молений.
И Господь добра исполнен
В наступившей новой ночи,
КАЗАКАМ внушив надежду,
Сном смежил их ясны очи.

XV

Ночь... Темно... В СТЕПИ широкой
КАЗАКИ в тоске уснули.
Вдруг, прорвавшись на востоке,
Полыхнув, лучи блеснули.
И сказал Господь Великий:
— То что было — не вернется,
Много раз в СТЕПИ казачья
Снова даром кровь прольется...
Биться долго и безцельно
Будут ваши поколенья...
Но — настанут годы горя,
День наступит искупленья.
Я даю вам — в герб ОЛЕНЯ,
Он пронзен лихой стрелою,
Что пустил Меня забывши
Ты, КАЗАК, своей рукою.
В час, когда страданья ваши,
Искупят грехи сторицей,
Вновь ОЛЕНЬ, живой, веселый,
Пронесется по станицам.

И вернется счастье в СТЕПИ
И вернется снова ВОЛЯ!

. . . .

Голос смолк. Лучи угасли,
Снова ночь покрыла ПОЛЕ.

XVI

Где все это приключилось,
Где все это вправди было,
Там волнуется широким
Плёсом ОЗЕРО ГУДИЛО.
Берега круты, суровы,
Окаймились камышами,
Там, в пещерах, тени предков,
Плачут темными ночами.
Вытекают там протоки,
Бьют ключи — слезами полны,
И питают горькой солью
Берега, кугу и волны.
Чайка там полетом скорым
Пролетев над гладью мутной,
Плачет. Ей во след несется
Бабы-птицы крик попутный.
Воет ветер меж обрывов,
Саван белый шлют туманы.
И проносятся как тени
Птицы вещие — бакланы!

. . . .

Место пира, место бойни,
Повеленьем Божьей силы,
Скрыли тиною глубокой
Волны озера ГУДИЛЫ!

. . . .

КАЗАЧАТА! Будет время,
Мы — допьем страданий чашу,
В СТЕПЬ пошлет Господь ОЛЕНЯ,
И вернет нам ВОЛЮ нашу!
КАЗАЧАТА! Станьте дружно!
За СВОБОДУ в ДИКОМ ПОЛЕ.
Бойтесь расприи — в ней погибель,
В ней — конец КАЗАЧЬЕЙ ВОЛЕ!
КАЗАЧЕНОК, КАЗАЧЕНКА,
Погляди-ка:
Брат он родный!
Он — как ты. Он тоже хочет,
Жизни вольной и свободной!
Приведёт ли Бог поставить
На родную землю ногу,
Первым делом поклянитесь
Вы свому Творцу и Богу:
СТЕПЬ любить, стоять до смерти,
За нее. И — брат за брата!
Не давать свово напрасно,
И не лезть в чужую хату!
Славя только Бога в небе,
За свои лишь грани биться,
Быть готовым к злой кончине,
И за СТЕПЬ уметь молиться!

. . . .

Кончил сказку!
Жизнь уходит,
Рядом жутких сновидений...
Счастлив тот, кто вновь увидит
По теклинам след Олений.

Дядя Янош

(Поэма)

Эх ты, молодость, свечечка тонкая,
Вольной волюшке жертва моя,
Догораешь, искряся и радуя,
И поешь про родные края...
И пройдешь ты, пройдешь незамечена
И потухнешь падучей звездой,
И минутные, малые радости,
Расплывутся, что круг водяной...
Все утихнет, умолкнет, уляжется...
И кадила синеющий дым
Под священника тихие возгласы
Заклубится над гробом моим...
Аль забудется имя казачее?
Аль затопчут могилу мою?...

*

...Э, да что там. А ну-ка попробую
В пересказах я силу свою.
Рассказал мне станичник историю,
Как он звался — забыл, на беду...
Разрешите-же, братцы-казаченки,
От себя я рассказ поведу...

1

Я в селе мадьярском прожил год без малу,
Там, в широкой Тиссе, сетками рыбачил,

А со мною рядом переметы ставил
На сомов, в долблёнке, старый Янош-бачи.*)
Мы, поставив сети, речкою уснувшей
Ворочались вместе ночевать в шалаш,
Лодки привязавши раздували угли
К ужину варили огневой гулаш...
И бывало долго на пахучем сене,
Раскуривши трубки, молча пролежим,
Поглядим сонливо, как при лунном свете,
Исчезая, тает меж ветвями дым.
У меня на сердце под бронёй надежды
Вечно дум тяжелых бился лютый шквал,
Почему-же Янош, набивая трубку,
Как и я, угрюмо, целый день молчал?...
— Что ты, дядя Янош, хмуришся, невесел?
Расскажи о прошлом, ведь и ты степняк...
Янош глянет молча, поведет бровями
И в карман полезет доставать табак.
И затяжкой долгой комаров прогнавши,
Обмахнет прилипший к сапогам песок:
— Что болтать без толку, завтра рано утром
Встану конопатить и смолить челнок.
Крякнет, выбьет пепел, повернется в угол,
Покрываясь плотно зипуном своим —
Зябнут летом ноги; да и то — не шутка,
Пережить на свете девяносто зим...

2

Как-то раз копаясь в сумах и подсумках,
Выждав тихий, жаркий, полуденный час,
На кустах терновых я шинель развесил,

---

*) «бачи» — по мадьярски — дядя, дяденька. — Прим. авт.

Шаровар широких заалел лампас...
Котелок приладив и дровец собравши,
Под вербой тенистой бредень сел латать.
Слышу: стук и топот и тяжелый кашель —
Янош воротился — время полдневать...
Глянул, — что за диво... — Что с тобою, Янош? —
Бледный, весь трясется, жжет огонь из глаз.
Проследил за взором — как заворожённый
Смотрит Янош старый на донской лампас...
И, склонясь внезапно, он веслом тяжелым
Замахнул с проклятьем мне над головой, —
Я успел пригнуться и весло схвативши,
Бросил его в воду за камыш густой...

*

— Что-ты Янош — бачи? Аль мы не сдружились?
Что с тобою, старый?... Экий грех — то, брат...
Что тебе я сделал словом иль поступком,
Иль какую шутку ляпнул невпопад?...
Он качнулся, охнул, на траву свалился
И лицо покрывши, тяжко зарыдал.
Я-же, удивленный злобой непонятной,
Опустивши руки перед ним стоял...
Долго плакал Янош... Старческие слезы
Медленно катились на его армяк;
Быстро вынув трубку, закурил и тихо
(Я едва услышал) прошептал: — Казак?...
— Да, казак... Так что-же... Об'ясни в чем дело,
Что с тобою сталось?... Расскажи, не скрой...
Нервно затянулся... — Ты слыхал, наверно,
Здесь восстанье было — год сороквосьмой?...

3

Поднялися венгры! Стали за свободу!
Захотели сбросить гнет австрийских пут
И за честь и волю, под свои знамёна,
В бой за нашу Правду нас повёл Кошут...
Кони... Сёдла... Битвы... Молодость... Удачи...
Сабли, трубы, пики... Меткий пистолет!
Ах, как мы рубились... Как не знали страха...
Как тогда я верил — в восемнадцать лет!
Я ушел с Кошутом...
Вслед за мной глядели
Пара темно-карих девичьих очей:
Сердце мое жило славою мадьярской,
Для Илонки сердце билося моей...
Я свою Илонку полюбил сызмала
И любовь меж нами были да совет...
Ах, как дни летели... Как часы бежали...
Как недолги ночи в восемнадцать лет...

*

И когда пред нашей конницей лихою
Дрогнули австрийцев грозные полки, —
Вы с Карпат спустились тучей грозовою
И спасли австрийцев вы-же, казаки!
Иштэнэм!... Мы дрались... Мы умели биться!
Но Господь Великий позабыл про нас
И у наших храмов, и по нашей степи,
Заалел победно ваш донской лампас...
А когда знамёна мы свои склонили —
Как я смерти жаждал. Как я тосковал!
А домой вернувшись, стал искать Илонку,
Но... Илонки больше я не увидал...

*

Та, что счастьем стала для меня бескрайным,
Что звездой горела на сердце моём,
Та меня забыла! на врага сменяла!
И... ушла... с каким-то вашим казаком...
Только Бог Единый видел мое горе,
Но одел я цепи раненой душе
И, уйдя на Тиссу, я шалаш построил,
И с тех пор рыбачу в этом шалаше...

*

И тогда поклявшись за народ Мадьярский,
За мое несчастье казакам отмстить, —
Я лампас увидел, вспомнил все обиды
И в мозгу мелькнуло молнией — убить...
Ты-ж оборонился... И, не зная злобы,
Добрым словом Бога в сердце пробудил.
Ты меня простишь — ли?...
— Что ты, Янош — бачи,
Да, конечно... Полно, я давно простил!
— Тяжко, ах, как тяжко... Схоронив идею,
Имени любимой в сердце выжечь след,
Потушив желанья плакать и томиться
Волком одиноким девяносто лет...

4

— Слушай, Янош, слушай. Ты меня не знаешь...
Ах, давно Илонка умерла твоя...
Погляди мне в очи... может угадаешь?...
Ведь твоя Илонка — бабушка моя...
Вздорогнул Янош:
— Боже!... Задрожали губы,
Слезы навернулись снова на глаза...

Я не мог сдержаться, и моя казачья
Наземь покатилась тяжкая слеза...
И, обнявшись, молча долго мы сидели, —
Горе свое каждый вновь переживал...
Вспоминал я бабку, бабушку - Илону
И Илонку ту-же Янош вспоминал.
На другое утро, до зари поднявшись,
Перемет и сети я один снимал.
Янош, улыбаясь тихо и счастливо,
В шалаше, на сене, беспробудно спал...
В закорузлых пальцах трубка догорела...
Я не плачу... Тихо Реквием пою...
Янош-бачи — счастлив...
Он — Кошута встретит...
И свою Илонку — бабушку мою...

*

Янош, Янош старый, ты — увидишь Бога —
Расскажи, что в мире слишком много зла,
Что травой покрылась наша шлях-дорога,
Что в степях широких песня умерла...
Что на реках чуждых казаки рыбалят
Вечной Правде веря — суд Господен ждут.
Расскажи ты Богу: Мы — хотим немного:
Свой Порог и Угол... Вольный свой Присуд...

*

Что-же? Кончить, что-ли? Умер дядя Янош...
В сердце тихо плачет похоронный звон...
Эх, сыграть-бы «гвоздик»... да в родной станице...
Да поставить сети в тихоструйный Дон...